

VIII. Воспоминания, хроника

М.А. Камалетдинов

АЛЬБЕРТ ИВАНОВИЧ ОЛЛИ

*Если бой кругом идет,
дом целым не останется.*

Башкирская пословица

С Альбертом Ивановичем Олли я познакомился летом 1954 года на западном склоне Южного Урала. Здесь, севернее г. Аши Челябинской области, на ручье Киселев Ключ, обнажается пласт черного битуминозного песчаника среднедевонского возраста, представляющий «останки» разрушенного нефтяного месторождения. Мой маршрут проходил через это обнажение.

Не успел я приступить к осмотру данного природного феномена, как неожиданно подъехала грузовая экспедиционная автомашина с брезентовым тентом, и из нее вышло несколько человек, среди которых был и Альберт Иванович Олли. Сорокасемилетний профессор заметно выделялся среди своих коллег. Статный, выше среднего роста, с красивым открытым лицом, он располагал к себе, обладая какой-то притягательной силой. Как и полагается эстонцам, был он русоволосым и голубоглазым. В Уфу А.И. Олли приехал из Саратова по приглашению башкирского руководства и недавно приступил к работе в качестве директора Института геологии Башкирского филиала АН СССР.

Битуминозные песчаники, обнажающиеся на Урале, объект весьма любопытный. Во-первых, здесь воочию можно наблюдать, во что превращается нефтяная залежь после своего разрушения, во-вторых, сам факт былого скопления здесь нефти позволяет надеяться на открытие и сохранившихся от разрушения месторождений. Кстати, Альберт Иванович считал, что передовые складки Урала являются перспективными для поисков нефти и газа в отложениях карбона и девона, что в дальнейшем подтвердилось открытием ряда месторождений.

Обнажение на Киселевом Ключе представляет и чисто теоретический интерес. Дело в том, что в середине прошлого столетия некоторые геологи высказывали мнение о том, что нефть в недрах, в том числе и в девонских пластах, имеет молодой мезозойско-кайнозойский возраст. В нашем же случае нефтяная залежь была сформирована еще до заключительных этапов варисских горообразовательных движений, разрушивших ее более чем за 200 млн. лет до мезозойского периода. Своими соображениями я поделился с Альбертом Ивановичем, который тотчас меня поддержал, напомнив,

что горючие сланцы Эстонии имеют даже силурийский возраст.

Встреча с Альбертом Ивановичем Олли, одним из самых выдающихся знатоков геологии Урала, для меня была подарком судьбы. Башкирский антиклинорий у нас в то время оказался общим объектом исследований. Здесь я начал работать в 1953 году (за год до нашего с ним знакомства), а он — на двадцать два года раньше, в 1931 году.

С тех пор мы совершили немало совместных маршрутов как в составе геологических отрядов, так и вдвоем.

Одним из дискуссионных вопросов в то время являлся возраст ашинской свиты, залегающей в западных разрезах под кварцевыми песчаниками такатинских слоев с псилофитами эйфельского яруса среднего девона.

В 1957 году на горе Индятау в районе р. Нугуш Б.М. Келлер обнаружил высыпки алевролитов, непосредственно выше ашинской свиты, возраст которых по содержащимся в них остракодам был определен как силурийский.

Открытие индятауской свиты, так назвал ее Б.М. Келлер, заинтересовало геологическую общественность, и в первую очередь А.И. Олли. Он предложил мне вместе заняться изучением этих отложений. Поскольку на западном крыле Башкирского антиклинория мы проводили детальную геологическую съемку, я сразу согласился.

Контакт ашинской свиты с вышележащими осадками обычно не обнажен, а вскрышные работы затрудняют навалы глыб кварцевых песчаников вышележащих такатинских слоев. Поэтому мы сначала решили выбрать наиболее интересные в геологическом отношении и доступные для вскрышных работ участки.

Один из маршрутов с этой целью мы совершили по небольшой речке Басу, протекающей южнее хребта Каратау и имеющей глубоко врезанную узкую долину с крутыми, часто скальными склонами. Протяженность маршрута составила не более 10 км, но многочисленные броды сильно затрудняли движение. Через каждые несколько сотен метров пешеходная тропа упирается в отвесную скалу и продолжается по противоположному берегу.

К статье М. А. Камалетдинова «АЛЬБЕРТ ИВАНОВИЧ ОЛЛИ»

Альберт Иванович Олли

Западный склон Южного Урала, 1932 г. Второй слева — А.И. Олли, четвертый — Э.Х.Алкснэ.

Экспедиция на Южный Урал.
Конец 1950-х годов
Второй слева — Г.С. Сенченко,
третий — А.И. Олли.

А.И. Олли (слева) и
Р.Э. Алкснэ в одной из
пещер западного скло-
на Южного Урала.
Середина 1960-х годов.

После пяти или шести бродов, мы решили для ускорения движения, переходить реку не снимая сапог, о чем позже пожалели: вода была холодной, и мы простудили ноги, разгоряченные быстрой ходьбой. А всего на нашем участке пути было шестнадцать бродов.

Альберт Иванович рассказал мне дорогой забавный эпизод, приключившийся на этой реке в тридцатые годы с его коллегой Александром Ивановичем Ивановым.

В геологическую партию Иванова для прохождения производственной практики тогда прибыли два студента Ленинградского горного института. Вечером геологи обычно собираются у костра, чтобы погреться, обсушиться, поделиться дневными впечатлениями, наметить маршруты на завтра и т.д. К полуночи, когда в долину Басу спустилась кромешная тьма, и все разошлись по палаткам, у костра остались только А. И. Иванов и один из студентов. Александр Иванович, погруженный в свои думы, молча смотрел на костер, когда с противоположного берега раздался ружейный выстрел, и студент стоявший рядом, рухнул на землю. Быстро взглянув на него, Иванов шмыгнул в палатку... Оказалось, что студенты его разыграли: стрелял второй холостым патроном.

Позже, вспоминая рассказанный эпизод, Александр Иванович сам смеялся, объясняя мотивы своего поведения: *«Смотрю, студент упал, думаю — следующая очередь моя»*.

Воспоминания скрасили наш путь, и мы вскоре пришли к устью р. Басу, где нас ждал с машиной Аглям Закирович Сяндюков. Костер уже горел, мы обсушились и пообедали. В этом районе индятауской свиты не оказалось, по-видимому, она выклинивается в северном направлении. Южнее, в ряде мест западного крыла Башкирского антиклинория нам удалось вскрыть ее с помощью шурфов и канав, проходка которых велась с использованием взрывных работ. Хотя шурфы били опытные рабочие-забойщики из нашей экспедиции, Альберт Иванович, видя, что они устали, предложил каждому из нас участвовать в копке по две минуты с полной отдачей сил, причем копал и сам наравне со всеми, строго следя, чтобы люди регулярно сменялись. Это действительно оказалось весьма эффективным способом ускорения работ. Вскрыв индятаускую свиту в ряде разрезов, мы установили, что она залегает на ашинской свите без видимого углового несогласия, а мощность свиты изменяется от 2–3 до 50 метров. Выше по разрезу в нижней части песчаников, относимых к такатинским слоям, в прослоях аргиллитов Е.В. Чибрикова обнаружила раннедевонские споры наземных растений. Эти данные позволили выделить ей впервые на Урале хлебодаровскую свиту нижнего девона, до этого известную лишь в скважинах на платформе.

Автомобильные дороги на Урале в те годы практически отсутствовали. Имелся лишь Белорецкий тракт, проходивший по Башкирскому антиклинорию через Стерлитамак и Верхний Авзян. Тракт был построен еще при Екатерине II-ой после Пугачевского восстания и больше не ремонтировался.

Однажды осенью мы застряли на этом тракте, превратившемся местами в сплошное грязное месиво. Срубив растущие у дороги два дерева и сделав из них ваги, мы с трудом вытащили свой ГАЗ–51, потратив на это 2 или 3 часа. Спасательными работами умело руководил Альберт Иванович, участвуя одновременно и в качестве рабочей силы. После успешного завершения операции довольный Альберт Иванович говорил, что по вытаскиванию машин из грязи мог бы написать кандидатскую диссертацию.

Мне казалось, что в нем соединены два разных человека. Один из них физически сильный, выносливый и умелый рабочий, привычный к тяжелой работе, а второй — профессор-интеллигент, с холерным лицом и приятным тембром голоса, деликатный в общении, всегда безукоризненно одетый, даже во время экспедиций, куда мы брали обычно не новые вещи. Он выглядел человеком счастливой судьбы, никогда не видевшим нужды.

Каково же было мое удивление, когда я узнал, что его молодость была полна лишений, страхов и гонений.

Альберт Иванович Олли родился 3 ноября 1906 года в дер. Ухора бывшей Врудской волости Ямбургского уезда Петроградской губернии.

Отец его был мельником, семья жила в достатке.

Вскоре после революции началась кампания по раскулачиванию. Хотя Иван Олли был середняком, беда коснулась и его.

После ареста родителей, в 1921 году пятнадцатилетний Альберт вынужден был уехать из деревни. Своих родителей он больше никогда не увидит. Со справкой в кармане об окончании шести классов сельской школы он подался в Питер. Один в большом чужом городе.

Колыбель пролетарской революции сотрясали бурные политические события. Капиталисты и кулаки к тому времени были ликвидированы как класс, но огромный карательный аппарат продолжал перемалывать людской материал, оправдывая свое существование. Весь 1921 год шли аресты и расстрелы специалистов и ученых географов, геологов и др. по «Таганцевскому делу» (свыше 800 человек). На очереди было «дело Академии наук» и другие процессы. На предприятиях вычищались социально чуждые элементы. Таких как Олли здесь не ждали. Сначала он поступает подсобным рабочим в мастерскую механического техникума, затем выполняет различные временные работы, предо-

ставляемые биржей труда. На одном месте трудиться удавалось 1–2 месяца, реже больше. Жил впроголодь, скитался по чужим квартирам, одежда износилась. После рабочего дня шел в вечернюю школу для взрослых.

В 1927 году Олли пытался поступить в Ленинградский политехнический институт, но не смог — детей репрессированных в ВУЗы не пускали. По совету знакомых поехал в Казань, где сдал вступительные экзамены и был зачислен на геолого-географическое отделение госуниверситета. То ли бдительность властей на периферии была ниже, то ли был недобор студентов или еще что-то. В общем Олли повезло.

Профессор В.И. Троепольский — сын расстрелянного «врага народа», поступивший в Казанский университет в 1932 году, рассказывал, что с подпорченной биографией принимали лишь на геологический факультет, считая, что его выпускникам предстоит работать в Сибири и на крайнем Севере со ссыльными и заключенными.

После окончания Казанского университета в 1931 году Альберт Иванович был распределен в Башкирию и сразу же приступил к геологическим съемкам на западном склоне Южного Урала, в пределах Башкирского антиклинория, представлявшем в то время наименее изученную структуру складчатой области.

Глухой таежный край, суровый и необжитый, встречает исследователя полчищами комаров и гнуса. Сильная залесенность, плохая обнаженность, резко расчлененный горный рельеф, частые дожди и бездорожье, редкие деревни существенно осложняли работу геологов, от которых требовались не только талант исследователя, но и большая физическая сила, выносливость и мужество.

Далеко не каждый мог работать в подобных условиях. Поэтому геологов, изучающих Башкирский антиклинорий, было немного, они составляли элиту, пользовались известностью. К ним относились: Д.В. Наливкин, О.П. Горяинова, Э.А. Фалькова, А.И. Олли, М.И. Гарань, Д.Г. Ожиганов, А.И. Иванов, А.А. Блохин, К.А. Львов, а начиная с шестидесятых годов: Б.М. Келлер, Н.Ф. Решетников, П.Н. Швецов, В.И. Козлов, В.А. Романов, Ю.Р. Беккер, С.С. Горохов, М.Е. Раабен, А.Ф. Ротарь, А.В. Клочихин, В.В. Радченко, Г.Б. Яковлев и другие.

Снабжение геологических партий в тридцатые годы было «из рук вон» плохим. Старые брезентовые палатки, не защищавшие от комаров, в маршруты ходили в лаптях, одеяла и матрасы брали из дома. Но главная сложность состояла в отсутствии в однообразной и многокилометровой по мощности толще осадочных пород остатков скелетных организмов, по которым геологи привыкли проводить стратиграфическое расчленение и корреляцию разрезов.

Это требовало от исследователя хорошей профессиональной памяти.

Один из лучших знатоков геологии докембрия А.И. Иванов, о котором уже рассказывалось в начале нашего повествования, удивлял, например, всех тем, что в маршруте не нумеровал образцы, а складывал в беспорядке в рюкзак, а по возвращении в лагерь высыпал около палатки. В свободное время, когда накапливалась значительная куча, приклеивал им номера и всегда помнил из какого обнажения взят каждый обломок породы.

Вообще А.И. Иванов выделялся среди геологов-докембристов не только своими талантами, но и особым восприятием и отношением к окружающей действительности. Он был по-детски доверчивым и безобидным человеком, совершенно непритязательным в быту. Мог один уходить в многодневные маршруты в самые глухие места, где нет ни дорог, ни жилья. Брал с собой котелок, в котором варил на обед картошку и кипятил чай, спал на траве и никогда не имел с собой никакого оружия. Он так любил природу, что она сама его оберегала. Уединение его также не тяготило, к нему он стремился сам.

В шестидесятые годы, бывая в геологическом управлении, я часто видел его задумчиво ходившим по длинному коридору второго этажа. Никого не замечая вокруг, он улыбался в усы своим мыслям и покуривал сигарету. Многие считали его чудачком, он же был он личностью незаурядной, являлся одним из столпов геологии докембрия.

После четвертого курса Ленинградского горного института А.И. Иванова направили для прохождения производственной практики в Башкирское геологическое управление, и он впервые оказался на Башкирском антиклинории. Первозданная красота нетронутой цивилизацией дикой природы Урала его так очаровала, что в Ленинград он больше не вернулся и всю жизнь посвятил изучению геологии древних немых свит.

Молчаливый и задумчивый Александр Иванович полностью преобразился во время дискуссий по геологии додевонских отложений. Сопровождения по этим вопросам в те годы случались довольно часто. Споря со своим постоянным оппонентом, весьма опытным полемистом, проф. Д.Г. Ожигановым, А.И. Иванов становился едким и остроумным. Мы, молодые люди, слушали эти диспуты, как замороженные, не всегда понимая тонкости разногласий, раздиравших спорщиков.

Альберт Иванович, руководивший обычно этими совещаниями, в резкие споры не вступал, держался с достоинством, сохраняя доброжелательный тон общения со всеми выступавшими. Впрочем, при обсуждении геологии древних отложений мало кто решался ему возражать. Слишком высок был его авторитет в этих вопросах.

Близким другом и коллегой Альберта Ивановича в тридцатые годы был Эдуард Христофорович

Алкснэ, с которым он вместе учился в Казанском университете и работал в Башкирском геологическом управлении. Оба они, в качестве начальников партий, проводили геологические съемки, картируя смежные площади. Оба навсегда полюбили хмурые горные хребты Урала, покрытые лесом и туманом, таившие в себе интересные открытия. Оба были полны молодого оптимизма и энтузиазма, чувствуя себя первопроходцами в неизведанном, наполненном геологическими загадками районе.

В 1936 году А.И. Олли успешно защитил кандидатскую диссертацию по геологии бассейна Лемезы и Инзера. Завершал свою научную работу и Э.Х. Алкснэ. Своим вдохновенным трудом друзья приближали наступление светлого будущего, обещанного народу большевиками. Судьба им улыбалась.

Но хорошо долго не бывает.

В 1937 году страну захлестнула очередная волна красного террора. Секретарь ЦК ВКП(б) А.А. Жданов на Октябрьском пленуме Башкирского обкома объявил, что республика наводнена вредителями, шпионами, диверсантами и прочими врагами социализма, которых необходимо беспощадно уничтожить.

Начались массовые аресты и расстрелы.

В Башкирском геологическом управлении одним из первых пострадал Э.Х. Алкснэ. Его арестовали в декабре 1937 года, а в январе следующего — расстреляли как «врага народа» (реабилитировали в 1956 году). В те годы приговоры выносили так называемые «тройки» в течение 2–3 минут. Чем больше смертных приговоров, тем успешнее считалась работа карательных органов. В управлении никто не понимал, за что наказали одного из лучших и перспективных специалистов геологической службы республики. В условиях тотальной секретности никто не смел никому задавать вопросы, каждый боялся за себя.

Просматривая в архиве управления приказы за тридцатые годы, я обратил внимание на один из них, в котором говорится об увольнении из партии Э.Х. Алкснэ рабочего за систематическое пьянство. Возможно, что этот рабочий и написал донос на Алкснэ. Но это лишь предположение.

А.И. Олли хорошо понимал, что его друг невиновен, но был бессилён ему помочь. Понимал также, что никто, а тем более сам он не застрахован от подобной участи. Согласно закону тех лет родственники, друзья и знакомые арестованного привлекались к уголовной ответственности по статьям «за доноительство» и «за связь с врагом народа», которые подходили к А.И. Олли как нельзя лучше.

Из страха и иных побуждений люди писали друг на друга. В итоге каждый седьмой труженик республики оказался политическим преступником и понес суровое наказание. Позже выяснилось,

что все преступления были сфабрикованы НКВД для выполнения государственного плана репрессий. Невинно пострадавших великодушно простили, выпустив из тюрем и лагерей. Не суждено было порадоваться лишь не дожившим до этой поры.

В том далеком 1937 году у А.И. Олли имелись основания опасаться за свою судьбу не только по причине социального происхождения, но и национальной принадлежности. Сталин не доверял прибалтийским народам за тягу к самостоятельности и приверженность к капитализму. Советская власть, провозглашенная в этих странах в 1917 году, просуществовала не более двух лет, сменившись буржуазным строем. Советы вернулись на штыках в 1940-ом, а через год вошли немецкие войска, не встретив ни малейшего сопротивления.

Еще до войны эстонцев, проживавших в Ленинградской области, насильственно перевезли в восточные районы СССР как неблагонадежных, а после войны депортировали в Сибирь народ и из самой Эстонии.

Олли рассказывал, что после ареста Э.Х. Алкснэ он ни минуты не был спокоен, ожидая, что придут и за ним. Дома он оставил только труды Сталина, расставив их на видные места по полкам. Другие книги раздал знакомым. Собрал в узел вещи первой необходимости...

Был еще один геолог со страхом ожидавший своего ареста — Георгий Васильевич Вахрушев. Он работал в том же геологическом управлении начальником научно-исследовательского сектора и также был выпускником Казанского университета. Он давно знал Э.Х. Алкснэ и всегда оказывал ему всяческую помощь в работе. Теперь это могло обернуться опасной уликой против него. Г.В. Вахрушев был на двенадцать лет старше и успел приобрести известность в геологических кругах как крупный ученый, знаток геологии Приуралья.

Георгий Васильевич спешно выехал в Саратов, где у него были давние связи с учеными местного университета, и договорился о работе.

В 1938 году Г.В. Вахрушев, а затем и А.И. Олли переехали в Саратов. Смена места жительства в то время была, пожалуй, единственно доступной возможностью избежать репрессий. Полной гарантии, разумеется, не существовало, но в условиях советской действительности, это спасло многих. Пока на нового человека соберут компромат, глядишь, план арестов выполнялся, и пик репрессий проходил. До следующего раза.

В течение всей жизни Альберт Иванович заботился о сыновьях Э.Х. Алкснэ. Старший — Радмир в пятидесятые и шестидесятые годы, в бытность А.И. Олли директором Института геологии в Уфе, работал его заместителем по административно-хозяйственной части, и у них были по настоящему дружеские отношения. Арнольд стал студентом геологического факультета Саратовского

университета в 1951 году, когда А.И. Олли заведовал там кафедрой геологии нефти и газа. В то время поступить в высшее учебное заведение сыну «врага народа» без чьей-либо протекции было практически невозможно. В дальнейшем Альберт Иванович оказывал содействие Арнольду и в работе над кандидатской диссертацией. В семидесятые годы, став доктором наук, Арнольд уехал в Кривой Рог, где стал заведовать кафедрой общей геологии.

С Радмиром и Арнольдом я был хорошо знаком, это были замечательные люди. Добрые и интеллигентные. К сожалению оба рано ушли из жизни.

В Саратовском университете А.И. Олли организовал аэрогеологические и нефтепоисковые работы в Среднем и Нижнем Поволжье, а также в Якутии. В Волго-Уральском регионе был закартирован ряд структур, которые в дальнейшем оказались нефтеносными. Работы в Предверхо-янской впадине, в бассейнах рек Лены и нижнего течения Алдана, позволили А.И. Олли прийти к заключению о перспективности на нефть и газ мезозойских отложений (вопреки мнению геологов Якутского геологуправления о нефтегазосности только нижнего палеозоя). Он добился постановки глубокого бурения в районе устья Вилюя. Скважина, заложенная здесь в 1956 году, дала первый промышленный приток газа из мезозоя.

Не забыл А.И. Олли и любимый Урал, где продолжал изучать древние свиты.

В 1946 году он защитил докторскую диссертацию, а в 1948 году вышел в свет его капитальный труд «Древние отложения западного склона Урала» объемом 420 страниц, изданный Саратовским университетом. Названный труд в то время явился самым полным и наиболее детальным монографическим исследованием более чем десятикилометровой толщи древних немых свит западного склона Урала, залегающих между фаунистически охарактеризованным палеозоем и архей-раннепротерозойским фундаментом.

Следует подчеркнуть, что геология древних отложений в сороковые годы прошлого столетия была в числе наиболее актуальных и приоритетных проблем Волго-Уральской области. Случилось это после того, как в 1945 году нефтеразведочная скважина в Бавлах (Татария) вскрыла толщу немых песчано-глинистых отложений, залегающих под средним девоном. Упомянутая скважина прошла по ним 250 м и не достигла подошвы толщи, но бурение на смежных площадях показало, что ее мощность значительна и местами превышает 4–5 км. Это открытие опровергло существовавшее мнение о том, что в пределах Волго-Уральской области средний девон лежит непосредственно на породах гранито-гнейсового фундамента. А.Я. Виссарионова и М.Ф. Микрюков назвали новую толщу бавлинской свитой, а Д.Ф. Шамов сопоставил ее

с ашинской свитой Башкирского антиклинория Южного Урала. К.Р. Тимергазин, А.А. Трофимук и другие ведущие нефтяники страны уже тогда стали связывать с этими отложениями перспективы открытия промышленных скоплений нефти и газа в Волго-Уральской области. В связи со сказанным интерес к древним свитам сильно возрос, а капитальный труд А. И. Олли по геологии этих отложений оказался как нельзя кстати.

Но несмотря на это книге Альберта Ивановича было суждено многие годы пылиться на полках спецхрана «за семью печатями». Мне рассказывали, что слишком дотошный цензор засекретил ее на том основании, что в составе песчаников одной из древних свит упоминаются единичные зерна минерала, сведения о месторождениях которого запрещены к публикации в открытой печати. Однако возникает вопрос: почему засекретили книгу, которая вышла из печати и уже прошла соответствующую экспертизу. Вероятно, был «сигнал» от какого-то «доброжелателя». У талантливых людей всегда находятся завистники.

А.И. Олли работал над главным трудом своей жизни пятнадцать лет и, конечно, был заинтересован в его общественном признании, от которого зависит авторитет ученого.

С момента запрета даже ссылки в открытой печати на монографию А.И. Олли не позволялись. По существу произошло изъятие его работы из научно-производственного процесса. Это должно было доставлять Альберту Ивановичу немало огорчений, хотя вслух он об этом не высказывался.

В 1969 году, уже после смерти А.И. Олли, его книги, хранившиеся в фондах Института геологии, были уничтожены (около двадцати книг) по списку, поступившему из Москвы. Мне с трудом удалось выпросить у заведующей фондами одну из них. В настоящее время гриф «секретно» с нее снят. К сожалению, с большим опозданием. Единичные экземпляры замечательного труда А.И. Олли сохранились лишь в нескольких крупных библиотеках России и у тех геологов, которым он успел ее подарить еще до засекречивания.

И сейчас, по прошествии пятидесяти лет после выхода работы А.И. Олли, ссылки на нее по-прежнему отсутствуют даже в обобщающих трудах крупных исследователей докембрия. Словно и не было этого выдающегося геолога.

Отсутствие палеонтологических остатков и датировок абсолютного возраста древних немых свит послужило причиной тому, что геохронология их долгое время оставалась дискуссионной.

Ф.Н. Чернышев [1889] все древние свиты относил к нижнему девону.

Д.В. Наливкин, выделивший ашинскую свиту в 1925 году, сначала считал ее также нижнедевонской, но после того, как Н.Н. Дингельштедт в 1930 году в районе Тирляна и А.А. Блохин в 1932 году

на р. Иргизле обнаружили в породах, покрывавших ашинскую свиту, фауну соответственно лландейля и карадока, стало ясно, что возраст последней древнее верхнего ордовика.

В 1934 году на специальном заседании геолого-почвенного факультета Казанского университета В.А. Львов и А.И. Олли прочитали доклад «Об отношении среднего девона к ашинской свите и о возрасте немых толщ западного склона Урала». Возраст древних толщ они определили следующим образом: ашинская свита — $O_1 + Cm_3$; миньярская свита — Cm_2 ; от инзерской до зильмердакской свиты — Cm_1 ; от авзянской до шатаморфической свиты включительно — протерозой, а метаморфическая свита — архей.

В монографии 1948 года А.И. Олли детализировал схему 1934 года. Ашинскую свиту он отнес к нижнему ордовика (тремадоку), миньярскую и инзерскую — к среднему кембрию, а подинзерскую, катавскую и зильмердакскую — к среднему и раннему кембрию. Все нижележащие толщи он параллелизовал с гипербореем, то есть с верхним докембрием.

При этом А.И. Олли исходил из следующих аргументов.

На юге Южного Урала, в бассейне р. Кураган, в песчаниках кидрясовской свиты, которые «как по своему стратиграфическому положению, так и по составу и строению весьма близки к породам ашинской формации», содержится комплекс фауны тремадоковского яруса.

В Урало-Сакмарском районе средний кембрий представлен археоциатовыми и водорослевыми известняками, напоминающими миньярскую толщу, которая, как известно, подстилает ашинскую формацию [Олли, 1948].

В те годы еще не было известно, что кидрясовские песчаники и археоциатовые известняки, слагающие Сакмарскую зону, являются аллохтонными образованиями, происходящими из чуждой для западного склона Урала структурно-формационной зоны, перемещенной с востока на сотни километров [Камалетдинов, 1974], в связи с чем сопоставление их с западными разрезами по литологическому сходству является проблематичным.

Докембрийский возраст всем древним свитам приписал впервые М.И. Гарань [1937, 1946]. А.И. Олли с ним не согласился, считая, что к протерозою (гиперборею) следует относить лишь толщи, залегающие ниже зильмердакской свиты.

В 1945 году академик Н.С. Шатский древние свиты Урала, включая ашинскую, вслед за М.И. Гаранем отнес к докембрию, выделив ее в рифейскую группу [Шатский, 1945].

Б.С. Соколов в 1952 году в составе верхнего докембрия выделил вендскую систему в объеме ашинской свиты Урала, отчленив ее от рифейской группы Н.С. Шатского. Верхнепротерозойский

возраст венда он обосновал находками бесскелетных Metazoa [Соколов, 1952].

В 1955 году в статье «Еще раз о возрасте ашинской свиты на Урале и взаимоотношение ее с доказанным палеозоем» А.И. Олли отмечал, что на возраст ашинской свиты существует три точки зрения, согласно которым она относится: 1) к девону; 2) к ордовика и, возможно, к кембрию; 3) к докембрию. В то время он придерживался второй точки зрения, но позднее признал допалеозойский возраст ашинских образований на Урале и верхнебавлинских — на платформе [Олли, 1960].

В последние годы в ряде скважин платформенной части Башкортостана в породах, относимых к венду, Е.В. Чибрикова обнаружила хитинозои и сколекодонты (челюстной аппарат кольчатых червей) нижнего ордовика (тремадока). Она считает, что отложения ордовика относятся к новому послевендскому циклу осадконакопления. Вместе с тем могут возникнуть и другие предположения: 1) скелетные организмы (сколекодонты) появились в конце протерозоя, или 2) верхи образований, относимых к вендской системе, имеют ордовикский возраст, как в свое время считал А.И. Олли. В любом случае приведенные факты свидетельствуют, что в стратиграфии додевонских отложений Волго-Уральской области имеются вопросы, требующие дальнейшего исследования.

Успешное изучение стратиграфии зависит, как известно, от правильного понимания тектоники района. Это два взаимосвязанных предмета.

Жаркие споры между тектонистами, сотрясавшие Урал в тридцатые годы прошлого столетия, завершились расстрелами шарьяжистов, посеявшими среди геологов страх и панику. Все спешили отречься от шарьяжей, спасая свою репутацию и саму жизнь.

Свердловское геологическое совещание в 1940 году (под председательством академика А.Н. Заварицкого) в очередной раз осудило «прозападную» идею тектонических покровов на Урале, укрепив позиции противников мобилизма, которые и так казались незыблемыми.

С тех пор в советской тектонике стал безраздельно господствовать фиксизм, главной вотчиной которого являлся Урал.

В 1945 году академик Н.С. Шатский подчеркнул, что установление точной стратиграфической последовательности рифейского комплекса Башкирского антиклинория «заставляет окончательно отказаться от гипотезы крупных шарьяжных перекрытий на западном склоне Урала» [Шатский, 1945, стр. 61]. Мнение авторитетов в те годы значило больше, чем истина.

Вообще в тоталитарном государстве, где фиксизм ассоциировался с советским патриотизмом, а шарьяжи запрещены, не могло быть мобилистов.

Не был исключением и Альберт Иванович Олли. Как и все, он поддерживал официальную

точку зрения, в которую искренне верил. В своих работах А.И. Олли резко критиковал мобилистские построения Г.Н. Фредерикса и его последователей. Его критика была хорошо аргументирована и справедлива, но она развенчивала лишь отдельные конкретные положения и взгляды, которые никак не отвергали мобилистскую идею в целом.

Например, касаясь ошибочной трактовки тектоники района Вашкурского водохранилища на Среднем Урале, А.И. Олли писал: *«Если к концу 1933 года геологические исследования Южного Урала... настолько продвинулись вперед, что здесь уже почти всеми геологами были оставлены гипотезы покровов, то Средний Урал в этом отношении оказался в менее благоприятных условиях. Правда, и здесь наиболее трезвые исследователи никогда не были увлечены этим модным в то время течением, но их голоса едва пробивались через хор напистов, главным дирижером которых по праву должен быть назван Г.Н. Фредерикс. Наиболее энергичным, но и последним выступлением в этом направлении является коллективная работа Г.Н. Фредерикса, Н. Зенченко и других по описанию геологического строения района Вашкурского водохранилища...»*

При рассмотрении составленной ими геологической карты, которую с большим основанием можно было бы назвать попыткой картографического изображения покровной гипотезы, с полной очевидностью выступает сравнительно простое складчатое строение района. Приходится только изумляться такой степени ослепления людей собственными гипотезами, что они перестают видеть и понимать самые простые вещи на собственных геологических картах.

Подробный разбор всей работы этих геологов не имеет никакого смысла, и можно лишь отметить в качестве курьеза, что здесь ими вновь делается попытка... параллелизации артинских песчаников с серебрянской серией, то есть с древними толщами. Для чего им понадобилась попытка реставрации этого анахронизма — понять совершенно невозможно» [Олли, 1948, стр. 47].

В нашей стране фиксизм насаждался, как отмечалось выше, насильственным путем как единственно верное учение. Поэтому первые сведения об открытии шарьяжей на Урале, опубликованные мной в начале шестидесятых годов [Камалетдинов, 1962, 1965 и др.], у многих вызвали отрицательную реакцию. Одних они сильно рассердили, других напугали. Никто не хотел признавать свои ошибки и заблуждения.

Но были и третьи, поддержавшие новые представления. Среди них, как ни парадоксально, был Альберт Иванович Олли. В отличие от многих геологов, он не был зациклен на антимиобилизме, считая, что эмоции и жаркие споры препятствуют поиску истины. Надежные доказательства — единственное, что требуется для этого.

Еще в начале нашего знакомства я рассказал ему, что хребет Каратау, на котором я работал в пятидесятые годы, имеет надвиговое строение: кварциты зильмердакской свиты здесь полого перекрывают с юга-востока нижнепермские осадки Уфимского плато. Альберт Иванович не стал возражать, а лишь напомнил, что в 1930 году выяснять этот вопрос выезжала специальная экспедиция Института Геологической Карты из Ленинграда, которая пришла к выводу об отсутствии надвига. Позже я узнал, что после окончания Казанского университета А.И. Олли некоторое время работал в этом институте. Прошло два года, и в 1956 году вышла из печати государственная геологическая карта масштаба 1:200 000 района хребта Каратау под редакцией А.И. Олли, на которой хребет Каратау показан, со ссылкой на мои работы, как надвиговой комплекс.

Поздней осенью 1960 г., после завершения полевых работ, я приехал по обыкновению к А.И. Олли с докладом о результатах летних экспедиционных исследований. При этом сообщил ему, что на Уфимском амфитеатре Среднего Урала мы зартировали покровные структуры. Он молча меня выслушал и пожелал сам лично в этом убедиться. Притом немедленно. Мы выехали в экспедицию на старой грузовой автомашине ГАЗ—63, плохо приспособленной к езде по горным дорогам, и поэтому на крутых косогорах выходили из нее и шли пешком. Стояла холодная погода с достаточно сильными заморозками по ночам. В шестиместной брезентовой палатке, в которой мы спали (А.И. Олли, Р.Э. Алкснэ, А.З. Сюдюков, шофер и я), Радмир Алкснэ соорудил печку «буржуйку» с жестяной трубой, изолированной от брезента пластиной из асбеста. Вечером в жарко натопленной палатке мы, сняв телогрейки, вели беседы, сидя на раскладушках, но когда ложились спать, дрова в «буржуйке» сгорали, ветер выдувал тепло, и через каждые полтора-два часа приходилось вставать, чтобы подбросить несколько поленьев, что мы и делали поочередно.

В течение недели мы осмотрели южную часть Уфимского амфитеатра, и А.И. Олли имел возможность лично удостовериться в его аллохтонном строении. Особенно убедили его обнаруженные нами бескорневые клиппы кремнистых пород силура, залегающих в виде шапок на поверхности более молодых среднекаменноугольных отложений, образующих здесь широкое поле (раньше выходы силура здесь ошибочно считали слагающими ядра антиклинальных структур, выступающих из-под среднего карбона). Вдоль краев клиппов в ряде мест мы еще летом выкопали канавы, в которых было видно налегание кремней силура на средний карбон. Клиппы давно известны в Альпах, а на Урале тогда были установлены нами впервые [Камалетдинов, 1962].

После этого А.И. Олли неизменно поддерживал исследования по шарьяжной тематике. Я подробнее остановился на данном эпизоде, чтобы еще раз показать, что настоящий ученый, желающий знать истину, всегда старается это сделать и, несмотря на груз существующих предубеждений, способен изменить свои взгляды.

Всю жизнь Альберт Иванович мечтал посетить родные места в надежде узнать о судьбе своих родителей и сестры, которая затерялась в далеком 21-ом. Возможность эта представилась лишь после смерти Сталина, в 1955 году. Вместе с женой Евгенией Васильевной Чибриковой и сыном Витей он проехал на своей старенькой «Победе» всю Ленинградскую область, был в деревне, в которой родился и жил, побывал и в Эстонии, но нигде не встретил ни одного знакомого лица.

В 1965 г. А.И. Олли не стало. Он прожил 59 лет.

Альберт Иванович Олли запомнился мне удивительно доброжелательным и справедливым и демократичным человеком, общение с которым всегда было интересным и радостным событием.

В заключение считаю своим долгом поблагодарить Евгению Васильевну Чибрикову за документы и письма, предоставленные мне из домашнего архива, а также В.А. Романова и Н.П. Михайлова, многие годы работавших с Альбертом Ивановичем, за воспоминания, которыми они со мной поделились.

Литература:

Блохин А.А. Новые данные о геологическом строении Южного Урала // Бюлл. МОИП. отд. геол. X(1). 1932.

Гарань М.И. Докембрийские отложения западного склона Южного Урала и связанные с ними

полезные ископаемые // Труды / XVII сессия Междун. геол. конгресса. Т. 2. 1937.

Гарань М.И. Возраст и условия образования древних свит западного склона Южного Урала. Госгеолиздат, 1946. 50 с.

Дингельштадт Н.Н. О находке нижнесилурийской фауны на Ю. Урале близ Тирлянского завода // Изв. ГГРУ. 1930. Вып. 1.

Камалетдинов М.А. О клиппенах на Среднем Урале // Докл. АН СССР. 1962. Т. 146, № 5, С. 1160–1163.

Камалетдинов М.А. К вопросу о покровной тектонике Урала в свете новых данных // Геотектоника. 1965. № 1 С. 106–117.

Камалетдинов М.А. Покровные структуры Урала. М.: Наука, 1974. 230 с.

Наливкин Д.В. Материалы к изучению палеозоя Урала // Изв. геол. комитета. 1925. Т. 45, № 9.

Олли А.И. Древние отложения западного склона Урала. Саратов: Изд-во Саратовского ГУ, 1948. 420 с.

Олли А.И. Еще раз о возрасте ашинской свиты на Урале и взаимоотношение ее с доказанным палеозоем // Советская геология. 1955. № 45.

Олли А.И. О возрасте верхнебавлинских отложений востока Русской платформы // Вопросы геологии восточной окраины Русской платформы и Южного Урала. Уфа: БФАН СССР, № 6, 1960.

Соколов Б.С. О возрасте древнейшего осадочного покрова Русской платформы // Изв. АН СССР. Сер. геол. 1952. № 5, С. 21–31.

Чернышев Ф.Н. Общая геологическая карта России. Лист 138 // Труды / Геол. ком. 1889. № 4.

Шатский Н.С. Очерки тектоники Волго-Уральской области и смежной части западного склона Южного Урала // Бюлл. МОИП. 1945. 2. Вып. 2(6).